ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Александр СЕГЕНЬ

И нефть и газ и чёрная икра

Новогодняя сказка

Лучше водки хуже нет.
В.С. Черномырдин

Подобные истории почему-то случаются только с пьяными писателями.

Однажды в канун Нового года прозаик Александр Егерь задержался в Союзе писателей, где выставили угощенье. Бутербродов и огурцов с помидорами, как водится, оказалось мало, и они быстро кончились, водки – очень много, и она ещё некоторое время прожила после похорон закуски.

А главное, шли интереснейшие литературные споры, какое ещё имущество бывшего Союза писателей СССР захапали себе те или иные руководители разных новых творческих организаций. Но и эти высокодуховные беседы иссякли. Тут Егерь вспомнил, что его пригласило на предновогодний банкет руководство издательства "Романное время". Он глянул на экран мобильника и увидел, что там всё уже полтора часа как началось, и он поспешил. Другой прозаик, Сергей Сахалинцев, смело заявил, что составит ему компанию, дабы с Егерем ничего не случилось

– Куда едет Сашка Егерь, там всегда интересно, – сказал он.

– Так что у тебя с глазом-то? – по пути настойчиво добивался правды собрат по литературному цеху, поскольку в конце декабря, причём не солнечного, а вьюжного, человек в тёмных солнечных очках, как у спайдермена, выглядел весьма подозрительно.

– Ну что ты придолбался! – с неохотой открывая правду, проскрипел своим скрипучим голосом Сахалинцев. – Ну дома я не ночевал вчера и... сам понимаешь.

– Кулаком?

– Да нет, вот так вот наотмашь хряснула, а на пальце перстень. Который я сам же ей, дурак, и покупал на пятнадцатилетие свадьбы. Бровь рассекла. Кровища...

– Понятно. Высокие у вас отношения. Я имею в виду, что она тебе не в пах и не в коленку, а в бровь.

– Выше только лобешник, – мрачно усмехнулся Сахалинцев, и снова поглядел на свои часы, коими весьма гордился.

– А я вот терпеть не могу ничего на руке носить, – сказал Егерь. – Хорошо, что теперь мобильники есть, можно по ним время узнавать.

– А если зарядка кончится?

– Это ты прав, у меня, кстати, на последнем зубчике.

Настроение у обоих, даже несмотря на чёрные очки, становилось всё лучше и лучше.

– "Романное время" должно неплохо проставиться, – сообщил Егерь. – Их какой-то банк взял под своё крыло.

– Банкиры эти... Народные кровососы. Не зря таких в семнадцатом... – Вид у Сахалинцева сделался ещё более зловещим. И без того он был из тех красавцев, которые в фильмах обычно без жалости крошат других персонажей, а те воспринимают это как должное.

– Кстати, семнадцатый не за горами, ещё семь лет, и... – развил тему Егерь, внешность у которого тоже была не ангельская, крутой затылок, тяжёлая челюсть, но рядом с Сахалинцевым он выглядел добрым дядей, а в кино мог бы вполне удовольствоваться ролью того, кто заказывает человеку в чёрных очках очередное убийство.

– Во-во, мы ещё покажем этим буржуям недорезанным! – хмыкнул спайдермен.

– Однако, водочка-то действует! – бодро воскликнул Егерь и процитировал известное изречение русского Конфуция – Виктора Степановича Черномырдина, настолько весело его шатало и расплывало в этой мутной и нереальной предновогодней действительности. – Что-то не могу припомнить, какая там именно Брестская...

С этими Брестскими по приезде на место и началась какая-то дьявольская путаница. На Маяковку поехали подземным транспортом.

– Такси ни в коем, – сказал Сахалинцев. – Ещё больше развезёт. – Я лично всегда в метро трезвею. Приедем, как стеклышки.

– То есть, остекленевшие… – припомнил Егерь классику барда с Таганки.

В тот вечер погода задалась нелётная. Ледяной и одновременно влажный ветер шрапнелью колючего снега стрелял в лица двух друзей.

– Держись, Санёк! – кричал Сахалинцев.

Егерь полез в карман за мобильником.

– Погоди, Серёга!

– Что такое?

– Да я забыл, какая именно Брестская. То ли Вторая, то ли Третья.

– По-моему, вообще Четвёртая.

– Нет, не Четвёртая. Погоди.

Егерь набрал номер приятеля из "Романного времени", приложил льдышку мобильника к окоченевшему уху.

– Алло! Андрюша, это мы. Мы уже подгребаем.

– Где вы, ёпэрэсэтэ! – прозвучал в льдышке горячий голос.

– Да мы уже мимо Владимир Владимировича прошли.

– Какого ещё Владимир Владимировича? Путина? Вы что там, нажратые?

– Маяковского мы прошли! Андрюша, какая Брестская? Вторая или Третья?

– Ну вы и впрямь, как видно... – начал приятель, и на том его миссия завершилась.

– Блин! – крикнул Егерь ветру и снегу, а главное – льдышке. – Мобила, сволочь, села! Доставай свой мобильник!

– Нету, – мрачно ухмыльнувшись, сказал человек в чёрных очках.

– То есть?

– Я её на днях потерял. Я, как напьюсь, всегда мобилку теряю. Или ещё хуже – возьму и в сугроб зашвырну зачем-то.

– Зачем, зачем! Чтоб жена не звонила! Пошли так, горе моё!

И они отправились дальше разгребать руками ветер снегопада. Егерь помнил, что надо с Брестской свернуть в первый двор, и там в каком-то углу будет скромная вывеска "Ресторан", без каких-то иных условных знаков. Но когда продуваемые всеми невзгодами приятели свернули в первый двор, там можно было наблюдать любые подробности современной русской жизни, кроме ресторана. Кто-то дрался, кто-то смеялся, кто-то лаял, по всей видимости, собака, но никакая любезная вывеска не предвещала продолжения веселья.

– Значит, Третья, – сказал Егерь.

И дальше началось нечто подобное тому, когда чорт украл с неба луну и щирые предки нынешних майданутых парубков шастали по предрождественской малороссийской пурге. Ветер становился всё злее и злее, будто мстил двум клятым москалям за голодомор. Снег, словно изготовленный из колючей проволоки фабрики "Добрый гулаговец", царапал им лица, ноги вязли в снежном крошеве и отказывались служить в качестве вездеходов.

– Ничо, зато протрезвеем, – ревел сквозь вьюгу Сахалинцев.

– В сугробе! – стучал зубами Егерь. Несмотря на длинное кожаное пальто, ему становилось всё холоднее и холоднее, уши отваливались. Приятель и вовсе был в довольно лёгкой куртке, и его следовало первым в операционную, сразу на стол. В мареве пурги белое лицо Сахалинцева в чёрных очках светилось, как череп и кости на "Весёлом Роджере".

– О! – вдруг сказал Весёлый Роджер. – Саня, мы спасены. Девушка! Девушка! Да куда же вы?

Но девушка оказалась весьма благоразумной, да и следовало быть полной дурой, чтобы откликнуться на зов человека в чёрных очках.

– Дура! – воскликнул прирождённый убийца.

– Умная, – засмеялся Егерь, удивляясь, что в нём начало просыпаться остроумие. – Глянь, Серёга!

Они остановились перед какой-то витриной, в которой тускло светилось зеркало, и глянули на себя.

– Ни дать ни взять крупный мафиози со своим телохранителем.

– Ещё ты в этом пальто похож на штумбарфюрера, – сказал Сахалинцев.

– Штурмбанфюрера, – поправил его Егерь. – О, я, кажется, трезвею. Могу такие слова произносить.

– Молодой человек! Сто рублей даю! Одну минуту с вашего мобильника позвонить!

– Этот тоже не враг себе.

И они снова двинулись искать в снежной разноголосице Брестских улиц тот заветный дворик с вывеской "Ресторан", сулящей тепло, спасение, жизнь.

– Слушай, Сань, это, кажется, уже Восьмая Брестская.

– Какой-то патриот-белорус строил тут дома.

– Козёл он, а не патриот! Неужели нельзя было назвать одну улицу Брестской, другую Минской, третью Литовской, четвертую Шауляйской?

– Пятую – Шаляйваляйской. Вообще-то, этих Брестских только четыре.

– Но мы уже ходим целый час в этих четырёх Брестских соснах!

– Зато трезвые, как сволочи.

Неожиданно нарвались на врага самому себе. Какой-то добрый и не пуганый гражданин подверг свой мобильник риску и даже отказался от предложенных ста рублей. Но счастья это не принесло.

– Надюш, Надюш, не бросай трубку, пожалуйста! – заговорил Сахалинцев, изыскивая в своем скрипучем голосе не самые царапающие нотки. – Мы тут с Саней Егерем не можем на конференцию попасть. Её Андрюха Точкин организует. У тебя ведь, кажется, есть в твоём мобильнике... Ну зачем же так!.. Мы тут замёрзнем на фиг!.. Спасибо большое, извините за беспокойство. – Он горестно вернул средство связи неосмотрительному прохожему.

– Что она тебе сказала? Шедевр ораторского искусства?

– Сказала: "Катись к той, у которой ночевал". Но ведь речь шла не об этом.

– Сочувствую. Скорее всего, ты ночевал у Снежной Королевы. Она вот-вот распахнёт нам свои объятия.

И несчастные штурмбанфюреры, как некогда под Москвой и Сталинградом, снова пустились месить ногами коварный русский снег, разгребая руками безжалостную пургу.

И вдруг снова:

– Саня! Мы спасены!

В очередном дворе они увидели... Нет, не вывеску "Ресторан". Двоих официантов. Эти два ангела в чёрных брюках и белоснежных сорочках, на которые под горло приземлились синие бабочки, стояли на крыльце и курили.

– Саня, я всё понял! Надо было не от Маяковки, а от Белорусской площади топать.

– Судя по местонахождению, да. Здравствуйте, мы к вам.

– Здравствуйте. – Оба официанты подчеркнуто вежливо вытянулись вверх на своих ангельских крылышках, но из-за упитанности не смогли взлететь. – Вас там уже заждались.

– Ещё бы! – воскликнул Егерь и вдруг ощутил, как от нахлынувшего счастья в него бурным потоком стало возвращаться мощное опьянение.

– А где ваша машина? – спросил один из официантов, распахивая перед обмороженными эсэсовцами дверь.

– Сломалась, – махнул крылом Егерь. – Фигня, ща позвоним, новую купим.

Тепло-о-о! Оно распахнуло свои объятия, как сделал бы рай, если бы Господь Бог вдруг отменил приговор Адаму и Еве и добродушно позвал их обратно. Егерь и Сахалинцев полными лёгкими вдохнули в себя спасительную смесь из запахов пищи и сигаретного дыма, валившего им навстречу из огромного зала, в котором застолье шумело так, как может оно шуметь на третьем часе своего течения.

– А вот и мы! – воскликнул Егерь, на секунду заглянув в пасть развеселого пиршества.

– Урррааааа!!! – закричала пасть. – Наконец-то!!! Скорее!!!

– Слава тебе, кончилась чертовщина, – проскрипел Сахалинцев, вместе с приятелем подходя к гардеробу и с трудом стягивая с себя куртку окоченевшими пальцами. Тотчас к ним подбежали услужливые служащие, помогли освободиться от верхней одежды, повели в спасительный зал.

Опьянение, казалось бы, навсегда ушедшее во время блуждания по Брестским улицам, теперь навалилось с чудовищной силой, да так, что у Егеря в глазах стало, будто его поместили в аквариум. Чёрные очки Сахалинцева и вовсе ничего не видели, потому что вмиг в тепле запотели, а снять их и протереть Серёга стеснялся – сил не было придумывать героическую историю получения блямбы под бровью.

Столы стояли буквой П. Вдалеке, за верхней перекладиной, нетрудно было различить, хоть и расплывчато, Андрюху Точкина. Рядом сидел некто, похожий на знаменитого актера Божкова, сыгравшего стержневые роли в таких эпохальных фильмах, как "Миллионер" и "Форточник". Приятно, что и Андрюха, и этот псевдо-Божков встали и дружескими жестами поприветствовали Егеря и Сахалинцева, скрестив кулаки и помавая ими над головой, как бывало делали члены политбюро ЦК КПСС, стоя на трибуне мавзолея во время демонстраций.

Новоприбывших посадили на правой ноге буквы П, тотчас прильнули официанты:

– Чего изволите?

Пьяная наглость, поселившаяся в Егере, ответила:

– Водки самой лучшей, сразу стакан. Икру. Сигару.

– Икру какую?

– А что, есть и чёрная?

– Имеется.

– Её.

– Сигару какую?

– "Ромео и Джульетта" есть?

– В больших количествах.

– С ума сойти.

– Мне всё то же, что ему, – мрачно произнёс убийца в чёрных очках. – Видать, и вправду, банкиры, блин.

Когда через минуту перед ними образовалась бадейка чёрной икры, в бокалы полилась серебром водка, а по правую руку возникли пепельницы и квадратные блюдечки с кубинскими сигарами, стало окончательно ясно, что они оба уснули в сугробе, и всё это – лишь блаженный предсмертный бред. Тем не менее, и в бреду человек способен чокнуться с приятелем, махнуть полный бокал водки и закусить чёрной икрой. Оп-па! Нет, погодите...

– За наших самых долгожданных гостей! – воскликнул похожий на Божкова, опрокинул в себя изрядную порцию напитка и скомандовал: – Заздравную цыганскую!

И все застолье вмиг разразилось лихим и громогласным:

Хор наш поет припев старинный,
Вина полились рекой.
К нам приехал наш любимый
Александр Палыч дорогой.

Саша, Саша, Саша!
Саша, Саша, Саша!
Саша, Саша, Саша, Саша,
Саша – пей до дна!
Пей до дна, пей до дна, пей до дна!

И, выливая в себя стакан водки, Егерь со смехом подумал: "Вот дураки! – я же Юрьевич!". Тотчас он приземлился на стул, схватил кусок лаваша, густо намазал его чёрной икрой, закусил. Точно, чёрная, и не поддельная, а самая настоящая, астраханская, милая наша, забытая перезабытая. Будто ушедшая молодость вдруг заглянула, чтобы проведать, как ты тут, в своей зрелости.

– Охренеть! – сказал Сахалинцев. – Сто лет её не ел.

– Да? – развалясь на стуле, с презрением спросила поселившаяся в Егере наглость. – А я каждый день её жру. Надоела. Хочу чего-нибудь с трюфелями.

– С трюфелями у нас есть бланбидюль, – тотчас прожурчал под ухом любезный голос официанта.

– Валяйте ваш бланбидюль, – заявила наглость.

– Простите, а вас как величать? – спросил Андрюха, обращаясь к Сахалинцеву.

– Ну ты даёшь! – воскликнул Егерь. – Это же Серёга Сахалинцев. В очках, что ли, не узнал? Видать, уже крепко накатил.

– А по отчеству?

– Сергеич.

– За нашего второго гостя! – произнёс Андрюха, и Егерь вдруг усомнился, а Андрюха ли это?

Хор снова запел припев старинный, вина полились рекой, к нам приехал наш любимый Сергей Сергеич дорогой... И так далее, до дна.

– Надо было мне сразу своё отчество Точкину напомнить, – проворчал Егерь, махнул, но теперь только полстакана, по-видимому, великолепной, но какой-то безвкусной водки, снова закусил чёрной икрой, а ему уже и бланбидюль подали. И тоже какая-то безвкусная, эта бланбидюль. Нет, лучше и дальше чёрненькой закусывать, пока дают.

– До чего же этот хмырь рядом с Андюхой на артиста Божкова похож, – толкнул Егерь Сахалинцева.

– Ты только не падай со стула, – мрачно отозвался спайдермен. – Это и есть Божков.

– В смысле?

– А рядом с ним не Андрюха Точкин, а режиссёр Дерюжкин.

– Дерюжкин?

– Ну да, который "Подробности русской бани".

– Погоди, Серёга... Но...

Егерь стал внимательно всматриваться и теперь уже точно видел, что во главе стола сидят Божков и Дерюжкин, известные люди отечественного кинематографа.

– Пипец! Мы не туда попали, – всё больше мрачнея, сказал Сахалинцев.

– Да не может этого быть!

Хорошо, что играла музыка, и никто не слышал, как двое представителей литературы медленно вслух постигали реальность.

– Звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас, – сказал философ Кант, на секунду присевший неподалёку и тотчас растаявший в своей философской вечности.

С величайшими трудностями отодвигая плечом опьянение, Егерь продолжал всматриваться в то, куда они попали. На крыше буквы П и впрямь сидели знакомые по экранам актёр Божков и режиссёр Дерюжкин, их облепливали и облапливали пьяные киномузы, целовали их, шептали им что-то на ухо. Много мест на левой и правой ноге буквы П пустовало, поскольку то что должно было пустые места заполнять, теперь танцевало под грохочущую музыку.

– Нас приняли за каких-то богатых спонсоров, – произнёс мрачный Сахалинцев. – А если придут настоящие, нам кобздец.

– Не гунди, я уже и без тебя всё понял, – ответил менее мрачный Егерь. – Как бы то ни было, перед смертью чёрной икры нажрёмся.

– Надо линять.

– Брось ты. Судя по всему, они меня принимают за босса, а тебя за телохранителя. Ты же хотел в кино сниматься. Пойдём, я тебя представлю элите современного кино. Попрошу за тебя.

– Дурак.

– Отчего же? Будешь играть суперкиллера. Он ходит по завьюженной Москве, просит мобильники и убивает, убивает...

– Линять, говорю, надо.

– Икру доедим, и слиняем.

– Поздно будет, Санёк!

– И как ты через свои очки всё первым увидел?

– Санёк, очухайся. Линять! Мы деловые люди, нам подолгу нельзя засиживаться. Нас ждут партнёры, чемоданы с баксами.

Егерь хорохорился, но белка испуга суетливыми прыжками всё же проскакала по его веткам. И от этого почему-то забурлило в животе.

– Что-то у меня газы... От икры, что ли?

– Чего?

– Я говорю, у меня в животе опера Пуччини.

– Какая именно?

– "Филио пердутто".

– А разве такая есть? А, понял. Сходи в тубзель.

Егерь устремился к туалету. Но дойти до него не смог. Его вдруг подхватила одна из танцующих:

– Разрешите потанцевать с вами?

И дерзко закружила его в танце. Танцуя с ней, он озирался по сторонам.

– А почему у вас девушки танцуют отдельно, а мужчины отдельно?

– Потому что это не мужчины.

– В смысле?

– В определённом. У вас, в вашей отрасли, должно быть, такого не бывает.

– Какого? А, понял. Что, неужели и впрямь?

– А вы как думали! Да нет, шучу, не все. Но частично.

– По-моему, это противно.

– По-моему, тоже. Но в нашей среде к подобному привыкли. Вот вы, сразу видно, мужчина. О вас ничего такого не подумаешь. Скажите, вы - нефть?

– Я? Нефть?

– Ну да, так, вроде бы, о вас говорили.

– Что ж, и нефть, и газ, и чёрная икра... Но в данный момент я в большей степени газ, – ответил Егерь.

С трудом дотанцевав, он попросил извинить его и устремился в тубзель. Там заперся в камере, в которой не было ни кровати, ни стула, а лишь один унитаз. Избавляясь от оперы Пуччини, Егерь бесшабашно размышлял о том, что если появятся настоящие, как-нибудь всё сойдёт с рук, ну не все же бандюки сразу везут таких, как они, заливать цементом и ставить в качестве одной из стен новостройки, которую столь вожделенно ждут вкладчики-дольщики, изнывающие под игом ипотеки. Ну, поржут, потом прогонят. Вынесут и – раз-два-три – швырнут в московские сугробы.

Кто, блин, придумал эти Брестские! Вот бы накостылять тому белорусу!

Выйдя из мест временного заточения, Егерь наткнулся на очередного услужливого служителя.

– Позвольте вам показать, там для вас приготовлены подарки, – сказал он шоколадным голосом и повёл Егеря ещё куда-то. За открывшейся там дверью писатель увидел стойку бара, высокие стулья с круглыми сиденьями, и сидящих на тех вращающихся стульях девушек разного сорта, но одного и того же предназначения.

– Вот, – сказал обладатель шоколадного голоса. – Можно в любое время. Здесь есть специальные помещение. Качество – супер-евро.

Девушки тоже стали вращаться, поворачиваясь фасадами в сторону высокого гостя, улыбаясь ему, как будто попали в передачу "Жди меня" и их неожиданно нашли.

– За кого вы меня принимаете! – решительно отрёкся от греха Егерь.

– Понимаю, не сейчас, – сказал служитель. Возможно, сутенёр. – Позже.

– И позже тоже. Можете объявить классу, что урок окончен. Пусть идут домой делать уроки.

Оставив за спиной разочарованного торговца живым товаром, мнимый заправила газовыми богатствами страны отправился искать своего телохранителя.

– А вот и он! – воскликнул Сахалинцев, предлагая Егеря актёру Божкову и режиссёру Дерюжкину. Они стояли на фоне танцующих и, видно, ожидали его, желая что-то перетереть. – Позвольте вас познакомить с моим боссом.

– Очень приятно, – пожал Божков руку Егерю.

– Рад с вами познакомиться, – пожал Дерюжкин.

– Александр Павлович, вы нас извините, – ласково произнёс Божков. – Нам пора ехать. Вы привезли?

– Деньги? – догадался Егерь. Не зря, всё-таки, инженер человеческих душ. Он сунул было руку во внутренний карман пиджака, где лежало портмоне с тремя тысячами рублей, но мгновенно спохватился, что речь, очевидно, идёт совсем об иных суммах, которые приезжают в чеморданчиках, их открывают с приятным щелчком, там обнажаются зеленоватые пачки с одним из первых американских президентов, или лиловые пятисотенные еврики в кубиках, запечатанных в прозрачную пленку. Эту пленку взрезают ножом, берут на кончик ножа крошечную горстку, далее – на язык, пробуют, важно кивают: настоящие.

– Простите, но мы, кажется, договаривались, что завтра подвезут прямо в ваш офис, – от фонаря забормотал Егерь, но наглость взяла слово вместо него: – Вы что же это, голубчик! Не солидно как-то, знаете ли.

– Завтра? – спросил Дерюжкин и жалобно заморгал глазами на Божкова.

– Хм... – замялся великий актёр современности. – Простите. Вероятно, и впрямь какая-то недопонимаемость.

– Посерьёзнее надо относиться к таким делам, милый мой, – продолжала наглеть наглость. – Суммы-то немалые. А вы, как я вижу, привыкли всё нахватом брать.

Егерь глянул на своего телохранителя и увидел, как у Сахалинцева едва не свалились с бледного лица чёрные очки.

Божков внутренне возмутился, и видно было, каких трудов ему стоило не швырнуть в морду нового русского что-нибудь неслыханно дерзкое и столь же непоправимое.

– Я понял. Приношу свои извинения, – играя по-киношному желваками, промолвил он.

– Извинения... Стыдно вам, деятели культуры, – продолжала наглость. Такого от неё Егерь и сам не ожидал. – Просите немереное баблище, да ещё ставите тут свои условия. Вот захочу... Ладно, не бойтесь, гражданин Смоктуновский, я пошутил. – И безудержная наглость размашисто похлопала Божкова по плечу.

– Лестно, – зло, сдерживая себя, произнёс Божков.

– Что лестно?

– Что вы меня со Смоктуновским сравнили.

– И, кстати, я не Александр Павлович, а Александр Юрьевич.

– Простите, но на вашей визитке, которую мне передали...

– Мало ли, что там на визитке! Так надо.

– Значит, завтра?

– Моё слово – закон.

– В таком случае, разрешите нам откланяться.

– Не при царях живём, чтобы кланяться тут. Давайте быть проще. Айда на посошок дерябнем.

– Извольте. – Видно было, что смелый артист едва сдерживается, чтобы не начистить новое русское рыло. Он с Дерюжкиным и Сахалинцев с Егерем подплыли к поляне.

– Я сам налью, – сказал Егерь, взял бутылку водки и налил по полному стакану Божкову и Дерюжкину. Взял другую и наполнил себе и Сахалинцеву. – И без закуски, товарищи. Предлагаю выпить за нефть и газ! До дна. По полному стакану. И за чёрную икру!

И он стал медленно переливать в себя стакан водки. С ненавистью глядя на него Божков тоже выпил. Дерюжкин поперхнулся на полстакане. Сахалинцев, молодец, справился безупречно. Но жалобно спросил:

– Точно, что без закуси?

– Точно! – рявкнул Егерь. – А вы, режиссёр, допейте, допейте. До дна. Как там в вашей цыганской.

Дерюжкин беспрекословно выполнил требование мнимого спонсора.

– Ну вот, а теперь можете нас покинуть.

– Всего доброго, – пробормотал Дерюжкин, протягивая руку, но наглость махнула крылом: вали уж, мол, так, без дурацких этих рукопожатий.

– Ждём завтра. Всего доброго, – произнесли злые желваки, и оба кинематографиста покинули арену цирка.

– Ну ты даёшь, парень! – глядя им вслед восхитился Сахалинцев. – Даже от тебя не ожидал такого. Нам, брат, тоже пора валить. Я, представляешь, после этого стакана за нефтегаз, трезветь начинаю.

– А ты как думал, – отозвался Егерь уже откуда-то из убегающего от него пространства и времени.

– Ты закуси, Сань, закуси, – видя, как на глазах обмякает приятель, всполошился спайдермен.

– Танцевать! Танцевать! – тотчас спрыгнула к ним откуда-то с лиан та обезьянка, которой Егерь сообщил, что он газ. И музыканты громко заиграли, и всё закружилось в танце, в котором было так весело и одновременно страшно.

– Педики! – кричал Егерь юношам.

– Педики, – весело кивали те, будто в них угадали геологов или строителей Братской ГЭС.

И как совсем ещё недавно пробирались сквозь пургу, так теперь Егерь и Сахалинцев раздирали тайгу танцевального марева, плясали весело и тревожно, отплясывали за нефть и газ.

– Саня, пора рвать когти, – время от времени орал в ухо приятелю Сахалинцев, но сам при этом никуда не спешил, что-то вкрикивая сквозь музон приглянувшейся ему актриске.

– Мы с моим боссом прошли и Крым, и Рым, и Кагалым, – слышал Егерь голос Сереги. – А скоро вся нефть наша будет.

– И газ! – добавлял Егерь. А наглость теперь уже шла на попятную и заклинала его: – Вали отсюда, Сашуля, вали, милый!

Потом сидели за столом, и Сахалинцев рассказывал:

– Босс посылает меня к должникам. Я обычно просто прихожу, смотрю на них и спрашиваю: "Вы всё поняли?". Потом снимаю очки, дышу на стёклышки, протираю и снова надеваю. Потом медленно разворачиваюсь и медленно ухожу. А к вечеру должок уже на столе у босса.

– А снимите очки!

– Не положено. Только в исключительных случаях.

И снова танцевали. И снова уговаривали самих себя, что пора, давно пора валить отсюда.

И потом – как и полагается по замыслу великого творца комедии "Ревизор" – немая сцена. Но совершенно в новой режиссёрской трактовке. Сквозь пьяное сознание до Егеря дошло, что приехали настоящие. Точнее один. Довольно воспитанный мужчина, он потирал ручки в предвкушении встречи с представителями творческой кинематографической элиты. И вовсе не кабан какой-нибудь, а вполне даже интеллигент.

А Сахалинцев, в общем-то человек добрейшей души, стоя перед ним в позе Шаляпина, объявлял:

– А я тебе говорю: катись к той, у которой сегодня ночевал!

– Я не понял, вы, кажется, пьяны и зачем-то стоите тут передо мной. А где господин Дерюжкин и господин Божков?

– Господа все за границу сбежали. Не за горами семнадцатый год! – говорил голос Егеря, словно отдельно от своего владельца.

– Вот именно, – рычал Сахалинцев. – И ты проваливай! Скоро таких, как ты, всех расстреляем.

Потом помнилось, как они схватили у гардеробщика кожаное пальто до пят и продуваемую куртку, накинули это на себя – метель нам ни почём! – вышли из спасительного тепла, увидели, как матёрый бритоголовый убийца направляется к ним навстречу. И бежали, бежали, бежали, сквозь пургу, сквозь сорок тысяч Брестских улиц, мимо памятника Маяковскому, как миноносец с миноносицей, и лишь на эскалаторе метро, оглянувшись и не видя страшной погони, смогли выдохнуть:

– Ну, й-оперный театр!

– Кажись, спасены, босс!